

Н.С. КОВАЛЕНКО

(пос. Мостовской)

Адыго-абхазское население территории современного Мостовского района Краснодарского края на завершающем этапе «Кавказской войны»

На сегодняшний день на территории Мостовского района Краснодарского края в этническом и языковом отношении доминируют восточные славяне (русские и украинцы) [1]. Число черкесов, абхазцев и абазинцев по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. не превышает там и полсотни человек. Это связано с событиями второй половины XIX века, когда царское правительство, осознавая, что одни только репрессивные меры в отношении горцев не способны гарантировать порядок в закубанских владениях России, провозглашает новый этап колонизации края. Было необходимо значительно увеличить долю покорного русскоязычного населения Закубанья и тем самым лишить адыгские и абхазские племена статуса этнического большинства.

1841 г. считается годом начала колонизации Закубанья. До этого там имели место репрессивные операции российских войск (против наиболее агрессивных этнолокальных и субэтнических групп адыгов и абазин) и единичные случаи возве-

дения укреплений. Вплоть до конца 1860 г. колонизация края носила вялотекущий характер.

По данным военно-исторической карты Северо-Западного Кавказа Е.Д. Фелицына, наиболее значительным горским племенем были бесленеевцы, составляющие одну из субэтнических групп адыгов [2]. Их владения, представлявшие собой квадрат с многочисленными вкраплениями, значительно превышали владения практически всех, соседствующих с ними, племен, за исключением башильбаевцев. На северо-западе бесленеевцы граничили с махашевцами, населявшими практически все междуречье Фарса и Лабы (включая оба берега р. Псефир), на западе — с баракаевцами (в верховьях р. Губс) и баговцами (восточнее г. Тхач по обоим берегам Ходзя), на юго-западе — с шахгиреевцами, кизильбековцами и тамовцами, на юге — с уже упоминавшимися башильбаевцами. Баракаевцы, баговцы, кизильбеховцы, шахгиреевцы и тамовцы были представителями шкарауа, одной из племенных групп абазинского народа [3].

Абазинские и адыгские (черкесские) племена, проживавшие на территории современного Мостовского по данным на 1846–1852 гг.

Племя	Численность	Первенствующие фамилии
Баракаевцы (браки, баракай)	960 или до 3000	Лях, Ангок
Баговцы (баго, бег)	480	Баг
Бесленеевцы	5115	Каноко, Шалохо, Тазартуко, Маршоко, Тляходуко, Дахоко, Докшуко, Асланоко и др.
Махашевцы	5000	Багарсуко

Бесленевцы, согласно черкесским преданиям, наряду с кабардинцами являлись наиболее древним племенем, поселившимся на северной покатости Кавказских гор. Ранее это племя занимало подгорье между реками Белой, Лабой и Урупом. Сказания залабинских черкесов называли основной причиной переселения бесленевцев и кабардинцев натиск других черкесских племен, двигавшихся через горные перевалы со стороны Черного моря [4]. Есть несколько фактов, доказывающих родственность или, по крайней мере, взаимовлияние бесленевцев и кабардинцев. Во-первых, оба племени назывались обладателями лучшего наречия адыгского языка среди прочих племен [5]. Во-вторых, современные бесленевцы Карачаево-Черкесии говорят на бесленевском диалекте кабардинского языка.

Данные вышеуказанной таблицы вкрупне с информацией о том, что в 1861 г. насчитывалось 800 семей бесленевцев [6], позволяют нам заключить, что в среднем каждая бесленевская семья состояла из 6 человек. Известно, что бесленевцы строили зимой плетеные загородки, в которых содержали скот в холодное время года. Основу их скотоводства составляло овцеводство. Летом скот выгонялся на берега Урупа и Большого Инджика [7]. Среди бесленевцев проживали беглые кабардинцы — выходцы из Большой Кабарды, которые после неудачного выступления 1804 г. не покорились российским властям, продолжая рассматривать турецкого султана в качестве своего покровителя. Кроме того, бесленевцы официальной российской перепиской причислялись, как и махошевцы, к категории «аристократических племен», что, вероятнее всего, объясняется не только наличием феодальных элементов, но и выделением института

старших князей, т.е. оформившимся расслоением среди элиты. Старшим бесленевским князьям Каноковым и Шалоховым (Шолоховым) платили дань шахгиреевцы (шегирей), баговцы (баго), баракаевцы (баракай) и др. [8]. Можно установить также примерное месторасположение нескольких родовых аулов Каноковых: один из них находился в междуречье Ходзя и Губса, другой — в районе истока р. Некликанки, притока Ходзя. Единственный, обозначенный на карте Е.Д. Фелицына, аул Шалоховых располагался на правом берегу р. Лабы, к юго-западу от ст. Отважной (сегодня — Лабинский район). Интересно, что наиболее влиятельные фамилии баракаевцев (Пях и Ангок) пользовались покровительством абхазского клана Дауровых. Последние, вероятно, опасаясь обострения отношений с бесленевцами, не пытались помочь своим «вассалам» избавиться от обязанности платить им дань.

Левобережье Лабы до 1834 г. составляло западные и юго-западные владения бесленевцев. Затем они были насильно поселены на правом берегу Большой Лабы и по притокам р. Урупа (Малому и Большому Тегеням) [9]. Не желая мириться с таким положением дел, в 1843 г. по наущению Хаджи-Магомета бесленевцы бежали на левый берег Лабы и расселились по реке Ходзь. Но уже в следующем году после смерти старшего князя Айтека Канокова племя вернулось в отведенные для них места обитания. Анализируя информацию различных авторов, мы приходим к выводу, что миграционные процессы за р. Лабу и обратно охватывали не все племя бесленевцев, так как и после 1844 г. их поселения по р. Ходзь имелись.

В 1846 г. бесленевцы присягнули российским властям после отступления из Закубанья Сулей-

мана-эфенди. Этот наиб Шамиля был послан туда в 1845 г. для того, чтобы завершить дело, начатое его предшественником: спровоцировать восстание черкесов. Создав очаг напряженности в Закубанье, Шамиль рассчитывал на то, что часть сражавшихся в Чечне российских войск будет переброшена туда. Таким образом, на левом фланге Кавказской армии открывался новый театр боевых действий, призванный ослабить ее силы на главном стратегическом направлении. Однако своими действиями Сулейман-эфенди добился диаметрально противоположного результата. В среде черкесов возникла так называемая «партия недовольных», и в итоге России покорились бесленевцы, бжедухи, темиргоевцы, егерукаевцы, махашевцы и беглые кабардинцы. Кроме того, ряд абазехских обществ заключил с Россией мирный договор [10]. Но этот успех российских властей в Закубанье носил кратковременный характер. В 1847 г. вернувшийся из Мекки Канагат Тляходуко, представитель влиятельного бесленевского клана (см. таблицу 1), добился нового бегства своих соплеменников за Лабу и Белую. Также из-за него от обязательств, возложенных на них мирным договором, отказались и абазехские общества.

В октябре 1851 г. беглые кабардинцы и бесленевцы, которых до этого наиб Магомет-Амин пытался неудачно переселить, покорились России [11]. Адольф Берже писал относительно беглых кабардинцев, что они никогда не были искренне покорны, а питали к русским «скрытную, хотя и бессильную» неприязнь [12].

Касательно махашевцев необходимо заметить, что данный «аристократический», но «воинственный и склонный к хищничеству» субэтнос адыгов, подобно бесленев-

цам, был богат скотом, который зимой содержался в загонах, летом выгонялся на левый берег р. Лабы, а весной и осенью — на пастбища близ Кубани [13]. Когда-то махашевцы были вытеснены с р. Белой абадзехами и поселились по рекам Фарсу и Псефиру. В официальной российской переписке этот адыгский субэтнос наряду с егерукаевцами, мамхеговцами и темиргоевцами фигурировал под общим названием «чемгуй» («кемгой») [14]. Скорее всего, это связано с тем, что в XIX в. все перечисленные нами племена объединились под властью темиргоевских князей Болотоковых. Старшими князьями махашевцев были Богарсуковы, которые происходили из кабардинцев.

В 1861 г. усиливается колонизация Закубанского края. По сути дела, на практике воплощались предложения, озвученные в отзыве военному министру от 29 декабря 1860 г. заместителем Кавказа А.И. Барятинским. По его мнению, единственным надежным средством для прочного утверждения российского владычества на Западном Кавказе было:

1) занятие горного и предгорного пространства вооруженным казачьим населением по обеим сторонам хребта, вызов из Кубанского войска 2100 семейств, которые составили бы население 7–9 станиц, каждая по 300 семейств (по расчетам А.И. Барятинского на это требовалось 416404 руб. 86 коп.); 2) учреждение опорных пунктов и военных путей на обширной территории, начиная от Лабы через верховья рек Белой, Пшеха, Псекупса и далее к западу по обоим скатам хребта до Черного моря; 3) водворение горского населения Закубанского края на «богатых равнинах прикубанских», чему способствовало переселение в Турцию почти всех горцев и ногайцев, проживавших между р. Кубанью и р. Лабою, и большей час-

ти мелких племен из междуречья Лабы и Белой [15].

При заселении Закубанья наместник Кавказа предлагал делать ставку на желающих из Кубанского казачьего войска, но в случае нехватки таковых прибегать к уже якобы апробированной практике переселения целых станиц, которые находятся далеко от театра военных действий и не пользуются особыми удобствами. Подобные меры объяснялись тем, что служба вдали от родных станиц доставляла казакам неудобства.

В 1861 г. из 17 планировавшихся станиц были основаны 10, в том числе Андрюковская, Ирисская, Губская, Нижне-Фарская, Переправная и Псефирская [16]. Как сообщал в своем донесении Главнокомандующему Кавказской армией генерал-адъютант Н.И. Евдокимов, свои названия основанные станицы получили по местным урочищам. Устраивались они как можно чаще, чтобы, с одной стороны, обеспечить прикрытие занимаемого пространства, а с другой — сделать пользование землей для переселенцев наиболее удобным.

Заселялись новые населенные пункты следующим образом: ст. Андрюковская — поселенцами из разных частей Кубанского и Донского казачьих войск (в т.ч. 115 семейств из ст. Александровской), женатыми солдатами других войск и государственными крестьянами из других губерний; ст. Ирисская (с 1863 г. — Беслинеевская) — переселенцами по жребью из числа бывшей 3-й бригады Кубанского войска и нижними чинами регулярных войск; ст. Губская — поселенцами из станиц правобережья Кубани и частично семьями отставных нижних чинов; ст. Переправная — переселенцами из Донского войска, малороссийскими казаками, отставными нижними чинами Кавказской армии, бывшей 3-й

Ставропольской бригады и государственными крестьянами из внутренних губерний Российской империи; ст. Нижне-Фарская (с 1867 г. — Ярославская) — поселенцами из разных станиц Кубанского войска (в т.ч. 80 семейств из ст. Северной) и из внутренних губерний России [17].

Станицы, основанные в 1861 г., располагались на землях, как бесленеевцев (Беслинеевская, Переправная), так и махашевцев (Нижне-Фарская, Псефирская), баракаевцев (Губская) и т.д. Перед кизильбековцами, тамовцами, баговцами и бесленеевцами был поставлен выбор: либо переселиться в отведенные для них места, либо в самый короткий срок мигрировать в Османскую империю. Власти не питали надежд относительно возможности мирного исхода дела с бесленеевцами, из среды которых часто выходили предводители антироссийских выступлений в Закубанье [18]. Неслучайно А.И. Бяратинский в характерной стилистике писал, что «перспектива надзора и введения управления не льстит дикарям, издревле привыкшим к необузданному своеволию» [19]. В конечном счете, бесленеевцы были внезапно окружены войсками, и 600 семей под конвоем отправившись в Османскую империю тогда, как оставшиеся 200 сообразно своему желанию поселились на левом берегу р. Кубань.

Колонизация Закубанья не сбавляла темп в 1862 г., когда были основаны еще 14 станиц, включая Баговскую, Баракаевскую, Махашевскую, Псебайскую, Хамкетинскую, относящиеся к современному Мостовскому району [20]. Заметно, что в названиях первых трех нашли отражения этнонимы локальных групп абазинцев (баговцев, баракаевцев) и адыгского субэтноса (махашевцев), которые в том же году в полном составе переселились в Ос-

манскую империю. Мухаджирство совершили 600 семей баговцев, 300 семей баракаевцев, до 2000 семей «чемгуй» (темиргоевцев, егерукаевцев и махашевцев) и т.д. [21].

Таким образом, на заключительном этапе так называемой «Кавказской войны» в результате активной политики колонизации Закубанский край (и в частности территория сов-

ременного Мостовского района) был навсегда закреплен за Россией. Решающую роль в этих событиях сыграли наместник Кавказа А.И. Барятинский, генерал-адъютант Н.И. Евдокимов [22] и семьи бывших линейных, черноморских и донских казаков, на плечи которых было возложено российское хозяйственное освоение левобережья Лабы¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года по Краснодарскому краю: [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгее. URL: <http://krsdstat.gks.ru/> (Дата обращения: 15.07.2019). С. 53.
2. Энциклопедический словарь по истории Кубани с древнейших времен до октября 1917 года. Краснодар, 1997. С. 52.
3. Косвен М.О., Лавров Л.И. и др. Народы Кавказа. Т. 1. М., 1960. С. 233.
4. Берже А. Краткий обзор горских племен на Кавказе. Тифлис, 1858. С. 13.
5. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Восточный берег Черного моря. Т. 16. Ч. 10. СПб., 1855. С. 18.
6. Кумыков Т.Х. Выселение адыгов в Турцию — следствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. С. 95.
7. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое и этнографическое описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 77.
8. Берже А. Указ. соч. С. 9–10.
9. Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX века. Москва, 1974. С. 42.
10. Берже А. Указ. соч. С. 16.
11. Покровский М.В. Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. С. 240.
12. Берже А. Указ. соч. С. 18.
13. Там же. С. 22; Бларамберг И. Указ. соч. С. 76.
14. Покровский М.В. Указ. соч. С. 15.
15. Бентковский И.В. Заселение западных предгорий главного Кавказского хребта // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1883. Т. 1. С. 4–6.
16. Там же. С. 13; Венюков М.И. Население Северо-Западного Кавказа в три эпохи его колонизации русскими — 1841, 1860 и 1863 годах // Известия Императорского Русского Географического общества. СПб., 1864. Т. 1. С. 5.
17. Бентковский И.В. Указ. соч. С. 11; Памятная книжка Кубанской области на 1875 год. Екатеринодар, 1875. Отд. 2, с. 103, 108, 125, 186, 205; Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. Майкоп, 2003. С. 71; Вахрин С.И. Биографии Кубанских названий (популярный топонимический словарь Краснодарского края). Краснодар; Армавир, 1995. С. 37, 74.
18. Кумыков Т.Х. Указ. соч. С. 94.
19. Бентковский И.В. Указ. соч. С. 5.
20. Венюков М.И. Указ. соч. С. 5.
21. Кумыков Т.Х. Указ. соч. С. 104.
22. Клычников Ю.Ю. Солдат империи Николай Иванович Евдокимов. Пятигорск: ПГУ, 2019. С. 152–218.

1 Казачье освоение Закубанья было отнюдь не беспроблемным. Единовременная передислокация целых казачьих полков вела к разорению и нищете казачьих семей, поэтому казаки оказали серьезное сопротивление планам переселения. Только гибкость Н.И. Евдокимова, взявшего на себя ответственное решение, помогла избежать серьезного конфликта (см.: 22, с. 163–164). — *Ред.*